

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 10. Июль 2000 г.**

**РОССИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**Материалы научно-практической
конференции**

Издательство Алтайского госуниверситета

Барнаул 2000

ББК 66.011.3я431+66.4(0)я431+65.050.9 (2Рос-Ал)я431+63.3(2Рос)74я431
Р 768

Дневник Алтайской школы политических исследований. № 10. Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития. Материалы научно-практической конференции / Под ред. проф. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2000. 224 с.

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор Чернышов Ю.Г. (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент Бетмакаев А.М., Рубцов П.В. (отв. секретарь).

Очередной выпуск «Дневника АШПИ» посвящен материалам научно-практической конференции, прошедшей 15 – 16 июля 2000 г. в Барнауле. Непосредственным организатором конференции стала Алтайская школа политических исследований, получившая поддержку Алтайского государственного университета, Алтайского филиала Фонда «Российский общественно-политический центр», Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки, Конгресса интеллигенции Алтайского края, Российского представительства Фонда имени Эберта, Фонда социальной поддержки и гражданских инициатив и ряда других организаций.

Основной темой дискуссии стали тенденции экономического и политического развития России после выборов, прошедших в конце 1999 – начале 2000 гг. На конференции выступили известные ученые и общественные деятели (в том числе – гости из Германии, из Москвы, Владимира и Томска). Стенограмма конференции дополнена статьями, тезисами, библиографическим списком, а также справочными материалами по итогам выборов, состоявшихся в Алтайском крае.

Издание предназначено для специалистов (историков, политологов, социологов, экономистов, юристов) и для всех, кто интересуется социально-политическими процессами в современной России.

ISBN

© АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
2000

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (первый день)

Чернышов Ю.Г.

КАК СДЕЛАТЬ ГОСУДАРСТВО АВТОРИТЕТНЫМ, НО НЕ АВТОРИТАРНЫМ?

Уважаемые коллеги! Было бы не интеллигентно говорить слишком долго, зная, сколько участников конференции хотели бы выступить сегодня. Поэтому я буду предельно краток и коснусь только тех вопросов, которые должны предшествовать докладам: нам нужно обозначить цели конференции, представить гостей, оговорить некоторые технические детали, а затем дать возможность зачитать приветствия участникам конференции.

Я рад приветствовать всех присутствующих на нашей очередной конференции, продолжающей ту традицию, которая берет начало с 1994 г. В течение трех лет по инициативе Владимира Александровича Рыжкова такие конференции на Алтае проводила Московская школа политических исследований, а затем эстафету приняла Алтайская школа политических исследований. Все знают, что мы сохранили эту добрую традицию даже в самые трудные для нас времена, — сохранили потому, что эта традиция оказалась нужна людям.

Говоря о целях этой конференции, — уже десятой по счету конференции АШПИ, — я хотел бы подчеркнуть, что мы не рассматриваем ее как конференцию Чернышова, Рыжкова или кого бы то ни было еще. Мне не хотелось бы, чтобы наша конференция слишком явно использовалась какими-либо политиками или партиями в собственных узких интересах. Мы рассматриваем нашу конференцию как собрание просвещенных людей, которые не равнодушны к тому, что происходит вокруг. Мы ежегодно тратим на это время своих отпусков потому, что считаем нужным поддерживать один из ростков гражданского общества, пробившихся в последние годы на Алтае. Мы хотели бы видеть ежегодную конференцию Алтайской школы политических исследований в одном ряду с такими добрыми традициями, как Шукшинские чтения, как Демидовский бал... Таких традиций, кстати, на Алтае пока еще совсем мало.

К сожалению, иногда в глазах москвичей и иностранцев Алтайский край приобретает весьма негативный имидж: им кажется, что это беспроектный «красный пояс», что это некий медвежий угол, где нет сво-

боды слова и мысли, где не происходит и не может происходить ничего интересного. Своей деятельностью мы опровергаем этот негативный имидж и тем самым поступаем как настоящие патриоты своей малой родины. Но мы не кричим о своем патриотизме. Мы предпочитаем, чтобы об этом сами за себя говорили конкретные дела — лекции, научные исследования, книги, конференции, семинары... Мне кажется, в этой связи можно рассматривать как положительный симптом вчерашнюю встречу участников конференции с главой администрации края. Мы все только выиграем, если будем опираться не на идеологию классовых или национальных раздоров, а на идеологию здравого смысла.

Сегодня в этом зале собралось около сотни человек — ученых, представителей власти, директоров предприятий, журналистов. Собрались и крупные теоретики, и опытные практики. Мне кажется, главное, что мы должны попытаться общими усилиями сделать, — понять, куда мы движемся после прошедших выборов.

После череды разнообразных выборов, состоявшихся в конце 1999 г. и в начале 2000 г., изменился не только персональный состав представителей многих органов власти. Изменилась сама парадигма внутривластного развития. В стране формируются признаки некоей новой эпохи, несущей с собой для одних людей привлекательные, а для других пугающие признаки. Многие задают себе вопрос, что нас ждет в конечном результате — правовое или полицейское, либеральное или авторитарное государство?

Не предвосхищая конечные выводы, я хотел бы лишь призвать всех присутствующих к свободной и конструктивной дискуссии. Мы не должны поддаваться эмоциям, наша задача — научно проанализировать наметившиеся тенденции развития. ***В условиях очередного переходного периода власть легко может сделать непродуманные шаги, совершить ошибки. В этих условиях задача экспертов заключается не только в том, чтобы указать на ошибки, но и в том, чтобы предложить более правильные, более целесообразные решения. Наведение порядка в стране необходимо, но отнюдь не любыми средствами. Давайте попробуем ответить на вопрос: «Как сделать, чтобы наше государство стало авторитетным, но не авторитарным?»***

Кстати, именно этот вопрос в той или иной форме уже присутствовал в тезисах, которые представили для опубликования многие участники конференции. Для того, чтобы системно подойти к этому вопросу, в первый день мы остановимся в основном на экономических, а во второй — на политических аспектах этой темы. В определенной мере приглашение к дискуссии содержится и в приветствиях от двух дружествен-

ных нам московских организаций. Позвольте зачитать эти тексты, полученные нами сегодня по электронной почте.

Первое приветствие направлено **президентом Российской ассоциации политической науки, доктором исторических наук, профессором Михаилом Васильевичем Ильиным:**

АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дорогие коллеги!

Вот уже несколько лет на гостеприимной земле Алтай каждое лето встречаются известные российские политологи и политики, чтобы обсудить актуальные проблемы политики и политической науки. Эти встречи, как и издаваемые вами материалы, получили высокую оценку коллег, а Алтайская школа политических исследований и краевое отделение РАПН — широкое признание в среде политологов.

Позвольте мне от имени Российской ассоциации политической науки пожелать очередной встрече успехов, а ее участникам — плодотворной работы. Убежден, что результаты вашей дискуссии станут важным вкладом в развитие отечественной политической науки и принесут немалую пользу.

Михаил Ильин

Второе приветствие пришло от **общероссийского движения «Конгресс интеллигенции Российской Федерации»:**

ПРИВЕТСТВИЕ

*Международной научно-практической конференции
«Россия после выборов: перспективы экономического и
политического развития»*

Дорогие друзья!

Уважаемые коллеги!

От имени Конгресса интеллигенции РФ приветствую участников Международной научно-практической конференции «Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития».

Это очень важно, что столь представительный форум собрался в одном из сибирских научных центров России для подведения итогов экономической и политической жизни российского общества последнего десятилетия и обсуждения перспектив ее развития. Бурные общественно-политические перемены, активное партийное строительство, проекты радикальных перемен в государственном строительстве требуют научного анализа происходящего. Очень важно рассчитать, как повлияют эти изменения на всю жизнь общества в целом и, в частности, на явные достижения последних лет — появление и развитие свободной прессы и свободного предпринимательства, местного само-

управления как основы развития гражданского общества в России. Но и не менее важной задачей остается сделать теоретические изыскания понятными рядовым гражданам страны. Одной из причин неудачи либеральных реформ в России остается их непонятность для народа. Либеральные, социал-демократические идеи, на основе которых западное общество добилось серьезных положительных результатов, в нашей стране требуют популяризации.

Предложенные президентом преобразования в государственном строительстве, усиление борьбы с властью олигархов и коррупцией, создание округов — все эти элементы составляют основу программы президента по усилению государства. Эти меры действительно нужны. Но в обществе все сильнее зреет тревога по поводу того, что осуществление этих задач будет проходить через усиление административно-силовой системы. А это значит, что как следствие можно получить усиление власти чиновничества в стране и резкое ослабление судейно-правовой системы — важнейшего элемента всякого демократического государства.

Уже сейчас появляются тревожные симптомы — высказывания высших чиновников о неудобствах, которые, с их точки зрения, создают средства массовой информации при освещении ими действий и политики президента.

Третье, что особенно меня тревожит сегодня, — возобновление и усиление разговоров о необходимости пересмотра реально действующей Конституции РФ.

Реорганизация Совета Федерации в настоящее время не представляется мне своевременной, это вновь может привести к недопониманию и разногласиям, которые, в конечном счете, могут вызвать новые обострения и усиление напряженности в отношениях центра и регионов. Я не вижу необходимости в сегодняшней реорганизации Совета Федерации. Этот процесс должен вызреть, и тогда он сам подскажет формы и временные рамки подобных преобразований.

Многие ошибки в нашей истории повторяются от отсутствия в культуре наших общественных отношений преемственности, уважительного отношения к тому, что уже сделано до тебя. Многие вещи выдаются новыми чиновниками как первооткрытие. Мне кажется чрезвычайно важным именно в рамках исторической преемственности внимательно изучать причины, по которым происходили провалы реформ в России. При всех необходимых мерах усиления законности важно не упустить главное — не раздавить ростки демократии, свободы, создания основ гражданского общества.

Уверен, что Ваша конференция внесет дальнейший вклад в углубление изучения рассматриваемых проблем.

Желаю успешной работы вашей конференции. Желаю, чтобы результаты ваших дискуссий, обсуждений, предложений не остались далекими от народа, а были донесены до него средствами массовой информации. Желаю, чтобы ваша конференция стала еще одним шагом на пути развития гражданского общества в России.

*Председатель исполкома
Конгресса интеллигенции РФ*

Сергей Филатов

Как видим, здесь затронуты те самые проблемы, о которых уже шла речь выше. Вновь вырисовывается самый злободневный вопрос: как навести элементарный порядок в экономической и политической жизни, но при этом не «перегнуть палку», не погубить реальные демократические завоевания?

Мы надеемся, что серьезную помощь в рассмотрении поставленной темы нам окажут *гости* конференции. Позвольте от вашего имени приветствовать всех гостей конференции, прибывших из Германии, Москвы, Владимира и Томска.

Это 14 человек: Алексашенко Сергей Владимирович, руководитель «Центра развития», бывший первый заместитель председателя Центрального Банка России (Москва), Андреев Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор ТГУ (Томск), Барабанов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, доцент МГИМО(У) (Москва), Виноградов Сергей Львович, переводчик (Москва), Кокарев Руслан Евгеньевич, переводчик (Москва), Петросян Дмитрий Ильич, директор Среднерусского консалтингового центра (Владимир), Пост Ахим, международный секретарь СДПГ (Германия), Ролль Фридрих, директор Европейского Форума, Европейский парламент (Германия), Рыжков Владимир Александрович, депутат Государственной Думы (мы его считаем барнаульцем, но он прибыл из Москвы специально на эту конференцию), Салмин Алексей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, руководитель фонда «Российский общественно-политический центр», главный редактор журнала «Полития» (Москва), Свинцов Игорь Валерьевич, сотрудник Среднерусского консалтингового центра (Владимир), Цепляев Виталий Юрьевич, корреспондент газеты «Аргументы и факты» (Москва), Шульце Петер, доктор политологии, профессор, руководитель московского представительства Фонда им. Ф. Эберта (Германия) и Щербакова Светлана Леонидовна, помощник депутата Государственной Думы (Москва). Просим, как говорится, любить и жаловать.

В заключение — несколько слов о технической стороне нашей работы. На основные доклады мы предлагаем отвести до 30 минут, на вопросы и обсуждение — до одного часа. При этом отдельные выступления в прениях, очевидно, не должны превышать 5 минут. Как всегда, в зале ведется аудиозапись для того, чтобы впоследствии мы могли издать стенограмму. Как всегда, мы намерены не только издать сборник, но и выставить его в Интернете. Это будет уже десятое издание такого рода. Просьба ко всем, кто будет задавать вопросы или выступать: пожалуйста, говорите в микрофон, представляйтесь и соблюдайте регламент.

И еще одно замечание. В этом году количество желающих принять участие в конференции заметно превысило запланированное число участников. Поэтому мы вынуждены были ввести, помимо категории участников, категорию гостей конференции. Мне хотелось бы подчеркнуть, что это ни в коей мере не должно отражаться на характере научной дискуссии: все присутствующие в этом зале имеют равные права на выступления в прениях. На этом позвольте закончить вступительное слово. Я желаю всем нам успешной работы и передаю микрофон для официальных приветствий.

ПРИВЕТСТВИЯ

Чертов Н.А.

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Уважаемые участники конференции! От имени администрации края, главы А.А. Сурикова поздравляю Вас с началом работы конференции и приветствую на алтайской земле наших гостей.

Стало уже определенной традицией, что в одном из отдаленных районов России — Алтайском крае ежегодно проходят международные конференции, посвященные наиболее актуальным и острым вопросам экономической и политической жизни России. 2000-й год не стал исключением.

Время проведения конференции, как мне представляется, выбрано удачно: с одной стороны, обнародованы пакет законодательных инициатив президента, а также стратегия развития Российской Федерации до 2010 года. С другой стороны, согласитесь, до полной ясности в понимании политической воли и нового курса Правительства, — а это в условиях России всегда имело исключительное значение — ещё далеко. Да и позиция самого президента, видимо, до конца не сформирована, коль в поездку в Китай он берет не разработчика программы Г. Грефа, а С. Глазьева, стоящего на другой экономической платформе. Тем более

нельзя говорить сегодня о едином понимании и достигнутом согласии между различными социальными группами общества, а также ветвями власти ни в отношении целей, ни в отношении путей выхода экономики из кризиса.

В выработке правильной стратегии и тактики развития России, куда должна внести свою лепту и настоящая научно-практическая конференция, кровно заинтересованы все регионы России. Лодка экономики Алтайского края тесно привязана к большому кораблю экономики России. Так же, как и в России в целом, в Алтайском крае за последние полтора года наблюдается оживление экономической жизни. Но так же, как и в России, результаты работы за последние месяцы свидетельствуют о замедлении темпов развития, определенном спаде деловой активности. Думаю, что конференция не может обойти стороной вопрос о том, является ли рост деловой активности долгожданным началом выхода из кризиса, либо это — следствие конъюнктурных моментов в развитии нашей экономики, в первую очередь девальвации рубля, произошедшей в результате финансового кризиса в августе 1998 г.

Выскажу личное мнение. На мой взгляд, на пути перехода к экономическому росту страны возникли столь серьезные завалы — думаю, присутствующим в зале они известны не понаслышке, — что расчистить их за короткий промежуток времени, подобно тому, как Геракл расчистил Авгиевы конюшни, нереально. Известно, что в экономике не бывает чудес: на разрушение и растаскивание национального богатства страны хватило одного десятилетия. Хватит ли жизни одного поколения на преодоление хаоса и дезинтеграции экономики, восстановления роли и влияния России на мировой политической арене?

С этих позиций не может не импонировать разработанная стратегия развития Российской Федерации до 2010 года. Прежде всего, тем, что разработчики стратегии не могут согласиться с потерей Россией своего лица, осознают реальную угрозу её отнесения в разряд третьестепенных стран.

Импонирует представление авторов этого документа о необходимости отказа от безоглядной радикальной либерализации экономики и применения шоковой терапии. Вместе с тем, настораживает идеологический настрой авторов «Стратегии» на минимизацию вмешательства государства в экономику, в хозяйственную деятельность. С учетом неразвитости рыночных институтов это чревато хаосом в экономике.

Нам, к сожалению, не удалось избежать этой участи. Сегодня, по прошествии десяти лет, руководство страны наконец-то осознало, — вполне вероятно, ещё не до конца, — пагубные результаты проведенно-

го в России экономического эксперимента. В послании президента заявлена взвешенная позиция: в определенных сферах экономики государство должно усилить свои позиции, из определенных сфер, наоборот, уйти.

Сегодня, на мой взгляд, в регионах накоплен огромный практический опыт управления экономическими и социальными процессами. Его надо знать, надо осмыслить, распространить. Мы можем получить не только заметный эффект в практической деятельности, но и продвижение в научно-теоретических разработках по государственному строительству и управлению экономикой.

Администрация Алтайского края с первых своих шагов, сделанных ещё в конце 1996 года, выступила против самоустранения государства от регулирования экономики. И в своей практической деятельности в меру весьма скромных финансовых, да и правовых возможностей реализовала этот принцип. В силу этого по ряду направлений мы опередили действия центра. В частности, это касается поддержки собственного товаропроизводителя, проблем регулирования алкогольного рынка, рынков нефтепродуктов, цветных и черных металлов и т.д.

Чтобы не быть голословным, приведу конкретный пример. В «Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года» для устранения излишнего и неэффективного административного регулирования предпринимательской деятельности предлагается упорядочить работу контрольных и регулирующих органов и ряд других мер. Мы обеими руками «за»! Администрация эту проблему, что называется, давно «нащупала» и оперативно отреагировала. Принято соответствующее постановление администрации края. Другое дело, что рамки нашей компетенции не позволяют на региональном уровне радикально решить проблему, так как большинство этих органов имеют федеральный статус.

Еще один пример. Буквально на днях мы в администрации рассматривали вопрос о московских банках, где «зависли» деньги алтайских предприятий, сотни миллионов рублей. Поэтому мы не можем не поддержать меры «Стратегии» по реформированию банковской и страховой систем. Эти меры не только назрели, но и перезрели.

С другой стороны, я не думаю, что в регионах найдет поддержку установка авторов «Стратегии» на ускоренную продажу государственных пакетов акций, массовое банкротство предприятий, ускоренное акционирование унитарных предприятий, радикальное реформирование земельных отношений. Результат от этих поспешных и непродуманных действий, на мой взгляд, будет более пагубным и разрушительным, чем от критикуемой сегодня обвальная приватизация.

Думается, авторам «Стратегии» известен мировой опыт, свидетельствующий о том, что эффективность работы предприятия определяется не столько организационно-правовой формой либо формой собственности, сколько качеством управления. Заменяв кропотливую работу по повышению эффективности управления на массовое банкротство, мы не уничтожим, а наоборот, породим целый спектр проблем, в числе которых — массовая безработица, помноженная на отсутствие реальных средств для выплаты пособий.

Особый разговор о реформировании АПК. Две трети рабочих мест в экономике края, так или иначе, связаны с аграрно-промышленным комплексом. Благополучие края зиждется на благосостоянии АПК. Поэтому мы не можем согласиться с полным устранением государства из сферы аграрной экономики.

Посмотрите на реальную картину. Государство не может справиться с монополистами, обуздать монопольные цены, в том числе на топливо. Диспаритет цен поставил сельское хозяйство на колени и ведет к его полному разрушению, он его и погубит. И если за последние годы доля сельхозпродукции Алтайского края в общем объеме сельхозпродукции России, несмотря на все сложности, не уменьшается, то я не уверен, что при отношении к селу как к «черной дыре» нам удастся сохранить такое положение. А ведь это продовольственная безопасность страны!

Удивительная близорукость разработчиков данного раздела «Стратегии»! Где и в какой стране с рыночной экономикой, при гораздо более благоприятных природно-климатических условиях, государство не помогает сельскому хозяйству держаться на плаву?

Теперь в целом о поддержке реального сектора экономики. Авторы, на мой взгляд, «не заметили слона»: сформировавшуюся за последние годы двухсекторную модель российской экономики — относительно благополучный финансово-спекулятивный сектор и нищий, обескровленный производственный сектор. Эту ситуацию надо переломить. Нужна иная денежно-кредитная политика. Без этого ситуация не изменится.

Как одна из мер, имеет право на жизнь и практика селективной поддержки государством предприятий реального сектора. Из опыта мировой экономики хорошо известно, каким образом государство в кризисные периоды стимулирует спрос и «подогревает» рынок. Но о каком росте государственного потребления может идти речь, если предусматривается фактическое снижение государственных расходов? При бедном населении и бедном государстве не может быть обеспечен рост со-

вокупного платежеспособного спроса, а значит, экономика страны в таком случае не имеет перспектив развития.

Разрешите высказать несколько соображений, касающихся второй основной темы конференции — «Президентская власть и регионы». Речь идет о роли губернаторов в законодательном процессе. Не кажется ли вам, что, изменив порядок формирования Совета Федерации, мы тем самым лишим себя квалифицированного совокупного эксперта, активно участвующего в законотворческом процессе и наиболее ярко отражающего интересы регионов?

А, может быть, интересы регионов надежно защищены? Обратимся снова-таки к «Стратегии». Перво-наперво, регионы, согласно этому документу, в результате централизации финансовых ресурсов лишаются собственных доходов, увеличивается их зависимость от федерального бюджета. Вместо 50%, определенных Бюджетным Кодексом РФ, в федеральном бюджете на 2001 год предполагается сконцентрировать 2/3 всего объема консолидированного бюджета России. Расходные полномочия, наоборот, «сбрасываются» в регионы.

Так, в Алтайском крае собственные доходы консолидированного бюджета составляют около 60%, а у большинства сельских административных районов — порядка 20%. Что значит для края потеря наиболее надежной части федеральных налогов в результате отказа от их расщепления и передачи в региональный бюджет? А предлагаемая авторами «Стратегии» ликвидация ряда региональных и местных налогов? Ответ жизнью уже дан. Точно так же, как местное самоуправление не может встать на ноги, прежде всего, из за отсутствия реальной финансово-экономической базы, так и декларированная самостоятельность регионов превратится в фикцию.

Далее. В Алтайском крае ниже прожиточного минимума проживает порядка 57% населения. Если учесть, что «Стратегией» предполагается в течение 10 лет примерно на треть (с 9,6% до 6,9% валового внутреннего продукта) сократить расходы федерального бюджета на социальное обеспечение, переложив их на плечи населения, то какой процент жителей края (с учетом, предполагаемого в результате массовых банкротств сокращения рабочих мест) скатится в бедность?

Но это еще не все. «Стратегией» предусмотрена передача полномочий и расходов по установлению большинства видов социальной помощи на уровень субъектов Федерации. Тем самым, ответственность за недостойную человека жизнь возлагается на региональные и муниципальные органы власти. Если бы не высокий уровень научно-

практической конференции, то я бы выразил наработки «Стратегии» одним, простым и понятным всем словом — «подставили»!

И при всем этом, при очевидном противоречии интересов центра и мест, вытекающем из материалов «Стратегии», в ней не нашлось места для раздела, посвященного региональной политике и федеральным отношениям. Может быть, потому, что укрепление исполнительной вертикали предполагается осуществить с опорой не на регионы, а на федеральные структуры исполнительной власти?

Это — взрывоопасная ситуация. Думаю, специалистам высокого класса, присутствующим в зале, не надо объяснять, к чему может привести забвение интересов регионов на фоне централизации финансовой и политической власти, практическое ослабление ещё до конца так и не сформировавшейся системы сдержек и противовесов. Функцию же «противовеса» президенту и Правительству верхняя палата исполняла достаточно зримо. Здесь есть над чем подумать, хотя результаты уже предрешены.

Уважаемые участники конференции! Желаю вам успешной творческой работы, взвешенности и объективности при рассмотрении столь сложных и животрепещущих проблем развития нашего общества!

Рыжков В.А.

Я хотел бы, прежде всего, поблагодарить всех вас за то, что летом, в субботу вы собрались в этом прекрасном зале. У нас будет замечательная возможность обсудить самые острые, самые сложные проблемы сегодняшней жизни России. Я думаю, сейчас нет ничего важнее того, что происходит и будет происходить в экономике. Я очень благодарен Николаю Александровичу, что он не ограничился двумя-тремя словами приветствия, а дал очень концентрированный взгляд администрации края на программу Грефа. И очень интересно будет послушать Сергея Владимировича Алексашенко, одного из самых авторитетных в России экономистов, узнать его взгляд на экономическую стратегию, на экономическую ситуацию в стране.

Вторая тема — это административная реформа Путина. Она прямо касается каждого из нас. Вы знаете, что моя позиция сильно отличается от позиции тех, кто поддерживает все эти меры, и я очень обеспокоен тем, что происходит именно с точки зрения последствий для регионов, для нашего народа, для социальных групп населения и т.д. Я думаю, что первый день мы посвятим именно экономике, а завтра мы подробно поговорим по поводу политической ситуации и перспектив федерализма в нашей стране. Николай Александрович, спасибо Вам, что Вы также ска-

зали и по второй части, потому что вчера мы встречались с губернатором края, мы целый час обсуждали эту проблематику, и Александр Александрович высказал практически ту же самую позицию, которая была в Вашем докладе, и выразил такую же точно обеспокоенность и в отношении экономической ситуации, и в отношении тех федеративных реформ, которые сейчас происходят.

Я очень рад, что у нас уже стала доброй традицией наша летняя конференция. Я очень рад, что каждый раз у нас появляются новые участники. Я очень благодарен Союзу промышленников Алтайского края, представители которого здесь присутствуют, руководителям промышленных предприятий, крупнейшим предпринимателям, депутатам краевого Совета, городской Думы, политикам, политологам, специалистам, которые собрались сегодня в этом зале. Я надеюсь, что, так как здесь присутствует пресса, наша конференция, станет достоянием общественности. Я убежден в том, что такие конференции вносят огромный вклад в понимание всеми нами тех процессов, которые происходят в России, и тех перспектив, которые перед нами открываются.

Я не буду затягивать свое вступительное слово, завтра у меня доклад по политической ситуации в стране. Мы уже предвкушаем следующий доклад и переход непосредственно к экономической проблематике.

Землюков С.В.

Уважаемые организаторы и учредители конференции, уважаемые гости, уважаемые участники. Когда в основу начинания заложена интересная идея, такое начинание имеет хорошую перспективу. Сказанное относится и к конференции Алтайской школы политических исследований. Проведение конференции становится хорошей традицией. Эта традиция поддерживается и интересными темами конференции, и высоким составом ее участников. Не является исключением и сегодняшняя наша с вами конференция. На рассмотрение вынесены наиболее актуальные проблемы, стоящие сегодня перед нашим обществом — экономическое и политическое развитие нашей страны. Среди участников конференции известные политологи, экономисты, ученые, практики.

Важность рассмотрения поставленных на конференции вопросов определяется рядом обстоятельств. Первое. Как известно, необъятное Отечество наше живет как бы на двух уровнях: условно говоря, столичном и провинциальном. Различие это не географическое, а социальное и политическое. Столичная политическая власть стремится к контролю над общественным сознанием, к диктату своих интересов. Поэтому очень важно, что эта дискуссия будет проходить не в Москве, а в провинции — в Барнауле, на Алтае. Это значит, что политическая жизнь в

России не ограничивается рамками Садового кольца. Это значит, что россияне, живущие за три тысячи километров от Москвы, не менее заинтересованы в экономическом и политическом развитии своей страны.

Второе. Организаторы конференции выбрали верную тему и правильно расставили акценты, поставив во главу угла вопросы экономического развития России. К сожалению, после прошедших в России выборов основной темой нашей общественной жизни стали не экономические проблемы, а вопросы передела власти, борьба политических и финансовых групп. Но это должно быть вторичным, на первом месте для каждого из нас стоят вопросы очень земные, но не менее важные: работа, зарплата, достойное существование, уверенность в завтрашнем дне для себя и своих детей. Хотелось бы верить, что эти вопросы должны волновать не только простого гражданина нашей страны, но и политиков, которые, в конечном счете, вершат судьбы наших граждан.

Третье. В нынешней ситуации имеется тенденция не только централизации власти, но и централизации общественного мнения, способов и форм влияния на общественное мнение. Демократические свободы не востребованы, они лишь допускаются в определенных рамках. И в этих условиях всякая трибуна для выражения независимых суждений и трезвой критики может оказаться весьма важной и для формирования общественного мнения, и для выработки решений по конкретным вопросам, по конкретным проблемам нашей жизни.

Четвертое. В числе участников конференции — не только ученые, но и депутаты, практические работники, руководители предприятий, сферы бизнеса. И это очень важно, так как, в конечном счете, через эти ручейки, эти связи мы должны проводить наши политические решения непосредственно в жизнь.

В заключение позвольте по поручению краевого Совета народных депутатов пожелать успешной работы конференции, интересных дискуссий, успеха учредителям и организаторам конференции, пожелать гостям конференции приятных впечатлений и встреч, которые будут на Алтае, в городе Барнауле.

Кирюшин Ю.Ф.

Уважаемые участники конференции, уважаемые коллеги, друзья. Разрешите от имени Алтайского государственного университета поздравить вас с началом работы конференции и пожелать успешной работы. Мне очень приятно отметить, что Алтайская школа политических исследований родилась в недрах Алтайского госуниверситета, что она стала заметным и крупным политологическим центром, о чем свидетельствует и состав сегодняшней конференции, и периодичность такой конферен-

ции, и вопросы, которые здесь поднимаются. Я посмотрел состав докладчиков и мне приятно отметить, что здесь не только ученые-теоретики, но и практики с мест, специалисты. Здесь как бы идет соединение теории и практики, обсуждаются актуальные, насущные вопросы экономики и политики. Мне приятно также отметить, что у истоков этой школы стоял выпускник Алтайского университета Владимир Александрович Рыжков, который активно участвует в работе и активно поддерживает Школу.

В целом, на мой взгляд, Алтайская школа политических исследований приносит огромную пользу и Алтайскому государственному университету. У нас за последние годы был открыт ряд специальностей, которые получили развитие, — это политология, международные отношения, связи с общественностью, активно развивается журналистика — студенты которых варятся в этом котле и получают большой опыт, то есть становятся после окончания университета хорошими специалистами. Этому тоже способствует Алтайская школа политических исследований. Еще раз поздравляю вас с началом работы конференции и желаю успехов в ее проведении. Спасибо.

Алексашенко С.В.
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА:
ДВА ГОДА ПОСЛЕ КРИЗИСА

Уважаемые коллеги! Мне очень приятно воспользоваться возможностью выступить перед вами и рассказать о своем видении тех экономических проблем, с которыми сегодня сталкивается Российская Федерация, и попытаться оценить ее перспективы на ближайшие годы в свете программы действий правительства. Не подлежит никакому сомнению, что с середины прошлого года российская экономика испытывает достаточно высокие темпы роста. Можно спорить с Госкомстатом, 9 это процентов или 10, 11 или 12, но, тем не менее, очевидно, что, в какой город ты ни приезжаешь, везде говорят одно и то же: «У нас заработали заводы, у нас загрузились мощности на этом предприятии» и т.д. Очевидно, что российская экономика попала в некоторое совершенно новое качественное состояние своего развития, когда впервые с начала 90-х годов, может, даже с конца 80-х годов, на протяжении более чем двенадцати месяцев подряд наблюдается экономический подъем. И, конечно, можно говорить о том, что этот подъем связан с тем, что перед ним у нас был кризис, что экономика слишком сильно упала, после этого она начала расти. Но, тем не менее, наверное, одно из объяснений причин нашего роста состоит именно в том, что в период кризиса, во второй половине 1998 — начале 1999 гг., государству удалось преодолеть те

самые причины, которые обусловили кризисное состояние экономики к середине 1998 г.

Меньше всего хочется говорить, что есть заслуга правительства или Центрального банка в том, что выросли мировые цены на нефть с 8—9 долларов в конце 1998 г. до 30 долларов сейчас. Конечно, нашей стране повезло. Так же, как ей повезло, что в течение полутора лет растут или находятся на высоком уровне цены на другие сырьевые товары — цветные металлы, черные металлы, лес, древесину, продукты химии. И, конечно, наши предприятия этим воспользовались (тем более, что у них снизились внутренние издержки в долларовом выражении), и экспорт из России уверенно растет. Исчезла проблема государственного долга, которая являлась одной из самых тяжелых для федерального бюджета, под тяжестью которой федеральный бюджет в августе 1998 г. рухнул. Сегодня мы видим, что у нас стоит прочный бюджет, доходы которого превышают расходы; бюджет, который практически не занимает денег на финансовых рынках, который в состоянии расплачиваться по своим обязательствам.

Повысилась внутренняя конкурентоспособность российских товаров и это тоже, наверное, один из факторов роста, точно так же, как одной из причин промышленного кризиса в середине 1998 г. было резкое падение конкурентоспособности российской продукции.

Мне кажется, что вообще это та самая проблема, на которую нам нужно обращать сегодня больше всего внимания. Если внимательно посмотреть на цифры экономической статистики, то выясняется, что спад в промышленности России начался не в августе 1998 г., когда произошел финансовый кризис, а за три месяца до этого — в мае, когда еще только обсуждали, будет или нет финансовый кризис. По крайней мере, еще ни у кого не было четкой уверенности, что будет происходить в финансовой сфере. Занимаясь более внимательно анализом причин этого кризиса, мы выяснили, что интенсивность спада в промышленном производстве в середине 1998 г. была исключительно высокой, выше, чем в 1992 г. в момент либерализации цен, развала Советского Союза. После долгих архивных раскопок нам удалось выяснить, например, что есть в Российской Федерации одно большое крупное предприятие, называется АвтоВАЗ, которое в мае 1998 г. сократило рабочую неделю, а, следовательно, и объемы производства, в четыре раза. Многие из вас помнят, что в то время цена автомобиля «Жигули» достигала 6, 7, а то и 8 тысяч долларов, то есть фактически сравнивалась с ценами импортных автомобилей. Это и есть показатель неконкурентоспособности. То есть, с учетом внутренних издержек, быстрого роста, при достаточно ста-

бильном курсе рубля, одно из ведущих, крупнейших предприятий России (это предприятие вместе со всеми смежниками производит 10% российского ВВП) столкнулось с тем, что оно не может продавать свою продукцию на внутреннем рынке, не говоря уже о внешнем рынке. И, естественно, когда рубль подешевел в три раза, продукция этого предприятия стала конкурентоспособной, причем качество продукции, естественным образом, не улучшилось. То есть, качество каким было, таким и осталось, упала цена. Тем не менее, это явилось фактором, который обусловил возможность подъема АвтоВАЗа. Он в течение полугода вышел на свои проектные мощности и таким образом компенсировал падение.

Эта ситуация характеризовала достаточно быстрый выход из кризиса в начале 1999 г., после чего наша экономика смогла воспользоваться преимуществами роста мировых цен.

В течение 1999 г. большинство российских экспортеров смогли получить огромные финансовые ресурсы в свое распоряжение. Для примера приведу цифры по нефти. Цена на нефть, как я уже говорил, выросла в три раза (с 9 долларов до 30), при этом рубль девальвировался в четыре раза и, соответственно, рублевая выручка нефтяников выросла в двенадцать раз, причем цены в российской экономике выросли в два — два с половиной раза. То есть, относительный выигрыш нефтяной отрасли, газовой отрасли, цветных металлов во много раз превышал то общее изменение состояния экономики, которое произошло. Экспортеры получили большие финансовые ресурсы, экспортеры смогли расплатиться по своим долгам. Практически, уже к концу первого квартала 1999 г. экспортеры расплатились по долгам перед бюджетами, к концу 1998 г. экспортеры расплатились по долгам по зарплате. Начался тот процесс, которого мы так долго ждали, процесс замещения неденежных расчетов денежными, именно в связи с тем, что у экспортеров появилось большое количество свободных рублей, и им выгоднее было платить деньгами. Это оздоравливало экономику, они размещали заказы на оборудование для своих отраслей среди российских предприятий. Безусловно, это оказало определенное воздействие на общую конъюнктуру российской экономики.

Но, вместе с тем, я далек от оптимизма и в чем-то солидарен с Николаем Александровичем Чертовым, когда он говорит, что нужно четко разобраться в том, что есть сегодня наш экономический рост. Есть известная фраза, то существует ложь, большая ложь и статистика. К сожалению, статистика сегодня не позволяет делать абсолютно достоверные выводы.

Я сейчас попробую перевести дискуссию в научную терминологию. Чтобы вам было понятно, напомним, что есть категория валовой внутренней продукт, ВВП, о котором мы все говорим, валовой показатель роста экономики. Он состоит из двух частей: внутреннее потребление и часть, которая уходит на чистый экспорт, то есть экспорт за минусом импорта. В 1999 г. ВВП вырос на 3,2%, при этом чистый экспорт вырос на 120%, а внутреннее потребление снизилось на 6%. То есть, за внешне благополучными цифрами 1999 г. стоит совершенно разная динамика внутреннего потребления и того успеха, который мы видим на внешнем рынке. К сожалению, у нас нет окончательных цифр, чтобы оценить, что происходит в первой половине 2000 г. Мы видим продолжение роста чистого экспорта. Похоже, что в этом году Российская Федерация установит новые рекорды по объему экспорта. Мы оцениваем, что экспорт может превысить 100 млрд. долларов, при том, что в прошлом и позапрошлом году он был 75 млрд. долларов. Мы оцениваем, что сальдо по текущим операциям может составить 45—50 млрд. долларов, то есть какие-то совершенно фантастические суммы. Это и есть тот результат, который российская экономика получает от конъюнктуры внешней торговли. Но производство на внутреннее потребление, к сожалению, дает гораздо меньшие цифры роста, то есть даже не десятки процентов, а, скорее, речь идет о 2—3%, и пока мы можем говорить о том, что внутренняя часть экономики растет, но в целом не очень быстро.

Есть отдельные предприятия, которые растут, и есть предприятия, которые не могут наращивать объемы производства, есть предприятия, которые останавливаются даже в текущей ситуации. С тем же самым АвтоВАЗом понятно, что есть некие проектные мощности — 700 тыс. автомобилей в год — и как бы он ни старался, как бы ни менялась конъюнктура цен, как бы ни менялся курс доллара, он произвести больше не может. То есть, если в прошлом году он вышел на максимальную нагрузку, то в этом году его рост уже не происходит, он стоит на одном и том же уровне. Тем не менее, у российской экономики сейчас есть хорошие стартовые позиции, потому что у нее есть некий эмоциональный настрой, и это, наверное, самое главное, о чем можно сегодня говорить. Большинство директоров промышленных предприятий, судя по данным опросов, очень благоприятно смотрят на перспективы ближайших месяцев и оценивают, что ситуация подъема, ситуация повышенного спроса будет сохраняться, что будет способствовать развитию производства.

Все попытки правительства Примакова в конце 1998 г. заявить о решительном повороте в экономической политике не завершились ни-

чем, правительство отказалось от каких-либо серьезных действий, а последующие правительства — и Степашина, и Путина, и Касьянова — пока что придерживаются политики врача: «не навреди». Получается, что правительство не делает ошибок, но не делает оно и правильных вещей, что уже, к сожалению, несколько хуже. Ключевой проблемой, которая обусловила устойчивость финансового состояния Российской Федерации, безусловно, стало укрепление федерального бюджета. Если до 1998 г. бюджет постоянно прибегал к заимствованиям, бюджет не был в состоянии финансировать собственные расходы в полной мере, то, начиная со второй половины 1999 г. и в 2000 г., федеральный бюджет постепенно улучшает свое положение, он может твердо говорить о том, что все расходы, которые запланированы, будут выполнены. Это случается во второй раз после 1995 г. и, собственно говоря, хотелось бы, чтобы исполнение государством своих финансовых обязательств явилось обязательной практикой для нашего правительства.

Немаловажным фактором укрепления бюджета и укрепления общей экономической ситуации в стране стал отказ федерального бюджета от заимствований у Центрального банка. Если вы помните, в конце 1998 г. правительство очень активно прибегало к заимствованиям у Центрального банка и получило кредиты в размере 10% ВВП. В результате, инфляция к концу 1998 г. — в начале 1999 г. составляла 10% в месяц и с осени 1998 г. по весну 1999 г., то есть уже в послекризисный период, рубль девальвировался практически на 50% — с 16 до 25 рублей за доллар. Это была цена той финансовой политики, которую стали проводить сразу после кризиса. В течение 1999 г. позиция финансовых властей постепенно ужесточалась. Этому, безусловно, способствовало увеличение доходов, которые бюджет получал от экспорта, и общий объем кредитов Центрального банка правительству составил чуть больше 3% ВВП. В результате, с апреля и до конца года рубль практически не изменился (с 24 до 27 рублей за доллар), инфляция опустилась на уровень примерно 2—2,5% в месяц. В текущем году бюджет вообще не прибегает к заимствованиям у Центрального банка. В результате, инфляция составила 1—2% в месяц, а доллар продолжает дешеветь и удивлять всех своей нестабильностью.

Вместе с тем, эта ситуация, особенно на валютном рынке, упирается, главным образом, в состояние внешнеэкономической конъюнктуры. Сегодня приток валюты в страну по результатам внешнеторговой деятельности настолько велик, что он позволяет Центральному банку наращивать свои валютные резервы в рекордном темпе. Центральный банк уже с начала года купил 9 млрд. долларов и примерно на 75% уве-

личил объем своих золотовалютных резервов. Это хорошо, потому что позволяет с оптимизмом смотреть на будущую ситуацию, когда цены на нефть упадут (а это когда-нибудь случится) и будут не на таком высоком уровне. Главное, хотелось бы избежать такого закона сохранения вещества, когда нефть — 30, доллар — 20, но когда нефть — 20, доллар — 30. Если нам удастся избежать этих качелей, скачков, то, наверное, можно будет считать, что у нас денежная политика в достаточно устойчивом положении.

К сожалению, в последнее время все больше разговоров идет о проблеме так называемой избыточной денежной ликвидности, и вы помните, наверное, что примерно десять дней назад президент даже собирал специальное совещание по этому вопросу с руководителями экономических ведомств. Суть этой проблемы в следующем: покупая валюту, Центральный банк, безусловно, эмитирует рубли, и объем денежного предложения со стороны Центрального банка, то есть объем выпущенных рублей, настолько велик, что экономика не успевает их переработать. Экономике не нужно такое количество денег, эти деньги зависают без движения на счетах бюджетов, на счетах коммерческих банков, создавая потенциальную угрозу для стабильности финансовой системы. К сожалению, сегодня ни правительство, ни Центральный банк не готовы четко заявить о том, что они хотят делать по решению этой проблемы, в то время, как очевидными угрозами на будущее являются повышение инфляции, нестабильность банковской системы, усиление оттока капитала.

Тяжелейшим последствием финансового кризиса 1998 г. стал крах российской банковской системы. Наверное, это самая большая потеря, потому что мы оцениваем, что от банковского кризиса российская экономика потеряла примерно 9% ВВП, то есть совокупные потери общества, экономики, предприятий, населения составили такую колоссальную цифру. Это и есть плата общества, экономики за финансовый кризис. С одной стороны, можно сказать, что сегодня банковский кризис преодолен, основные негативные последствия банковского кризиса уже не видны. Но вместе с тем, особого оптимизма нынешнее состояние не вызывает. В результате кризиса в стране практически исчезла такая категория, как крупные многофилиальные банки, остались единицы, которые могут с определенной натяжкой относиться к этой категории. Резко падают возможности для взаимодействия между банковской системой и реальным сектором, банковская система не в состоянии зарабатывать доходы, ее доходы не позволяют ей наращивать капитал, а, следовательно, восстанавливаться и работать на благо всей остальной экономи-

ки. Нам представляется, что стратегически, в течение ближайших трех—пяти лет, если экономический рост в России продолжится, слабая банковская система России будет служить тормозом для дальнейшего экономического подъема. К сожалению, я опять вынужден отметить, что в данном случае бездействие, в первую очередь, Центрального банка и, в некоторой части, Государственной Думы как нашего законодательного органа, привело к тому, что государство не воспользовалось той ситуацией, чтобы резко переломить положение дел в банковской сфере.

Есть такое популярное понятие «реструктуризация банковской системы» и, к сожалению, у нас считается, что это можно делать всегда. Это можно делать сейчас, это можно делать через полгода, через два года, самое главное захотеть — и сделать. Мировая практика показывает, что реструктуризация банковской системы — это действие государства, которое можно предпринимать только сразу в момент банковского кризиса, в первые месяцы после его возникновения. То есть, в момент, когда банковская система находится в слабом состоянии, она нуждается в государственной поддержке и государство может своими действиями принуждать банки делать то или иное, менять их поведение и т.д. К сожалению, все действия Центрального банка по преодолению банковского кризиса свелись к тому, что во второй половине 1998 г. Центральный банк активно увеличивал денежное предложение, давал деньги в экономику и смог достаточно быстро преодолеть кризис расчетов, с которым столкнулся особенно центральный, московский регион. И, собственно говоря, — все, потому что Центральный банк до сих пор не смог отозвать лицензию у банков, которые неплатежеспособны, которые задерживают исполнение своих обязательств. Наличие таких банков увеличивает убытки экономики, потому что не секрет, что владельцы банка, менеджеры банка гораздо раньше понимают, что банк идет на дно, и используют то время, которое у них остается до закрытия банка, для того, чтобы увести свои активы в сторону, фактически украсть средства, доверенные им клиентами. К сожалению, государство так и не решилось пойти по пути наращивания капитала банковской системы, не считая таких странных операций, которые Центральный банк проводил с Внешторгбанком. Государство выделило 10 млрд. рублей агентству по реструктуризации кредитных организаций, но из этих денег только 7% были использованы на наращивание капитала, еще 50% денег было предоставлено в виде кредитов различным банкам, а оставшиеся деньги были отданы в кредит тому же самому Министерству финансов.

Очень медленно меняется законодательство в вопросе регулирования и надзора банковской деятельности. К сожалению, в Государствен-

ной Думе и в Совете Федерации есть очень сильные антицентробанковские настроения. Считается, что Центральный банк является своеобразным государством в государстве, и многие депутаты, члены Совета Федерации видят первоочередной задачей изменение статуса Центрального банка, урезание его прав, а не создание нормальной системы банковского надзора. К сожалению, нерешенность вопроса, отсутствие каких-либо изменений в законодательстве приводят к тому, что судебные дела о банкротстве банков могут тянуться месяцами и даже годами. Есть уже несколько банков, которые сначала были объявлены банкротами, потом им возвращалась лицензия и их уже переставали считать банкротами, вплоть до того, что ни арбитражный суд, ни Центральный банк не могли четко определить статус банка: является ли он банкротом, является ли он действующим банком, является ли он банком с отзыванной лицензией и т.д. Нужно четко понимать, что банковский институт — это очень специфический финансовый институт, это не предприятие, которое, даже будучи банкротом, в состоянии производить свою продукцию. Банк работает на доверии, на привлечении средств своих клиентов, и, как только он становится неплатежеспособным, он фактически идет на дно и не в состоянии привлекать новые средства клиентов. Это ведет к его смерти, и процедура банкротства кредитных организаций должна проходить по совсем другим правилам. Главная задача состоит в том, чтобы защищать средства клиента. И здесь, чем быстрее идет процедура, чем больше прав у тех органов, которые занимаются этими процессами, тем меньше теряют клиенты банков. К сожалению, эту простую истину никак не удастся довести до общего понимания депутатов Государственной Думы и поэтому нынешнее банковское законодательство изменяется очень медленно.

Реально мы видим, что ни по одному из крупных банков, которые стали фактическими банкротами в течение кризиса, государство, Центральный банк не смогли довести до конца процесс реструктуризации банков, процесс их банкротства. Единственным примером успешной реструктуризации банка-банкрота является банк «ОНЭКСИМ», который провел свою реструктуризацию вообще без государственного участия, в строгом соответствии с теми принципами банкротства, которые существуют в мировой финансовой практике, и этим заслужил доверие со стороны иностранных кредиторов. Можно говорить разные слова о том, насколько честно вели себя владельцы банка, менеджеры банка, но, тем не менее, на сегодня в России есть только один банк, который успешно вышел из состояния банкротства. Вместе с тем, естественно, что он исчезает, его поглотит его наследник.

Нужно четко понимать, что банкротство банков даже в сильных западных экономиках не является процессом исключительным. Это процессы, которые случаются периодически, которые в развивающихся странах бывают достаточно часто. Банковские кризисы могут повторяться через некоторое время, могут охватывать другие банки, и отсутствие навыков решения проблем банков-банкротов не позволяет нашему обществу надеяться, что в случае возникновения нового кризиса государство адекватно на него отреагирует.

И последний сюжет — мое видение проблем, связанных с программой действий правительства, с так называемой программой Грефа. Безусловно, очень важно, что правительство заявило о своих намерениях и то, что намерения правительства совпадают с намерениями президента, потому что в своем послании Федеральному Собранию президент практически повторил те основные положения экономической политики, которые правительство закрепило в своей программе. Я не буду останавливаться на таких вещах, как общая либеральная направленность программы, об этом уже много говорилось в средствах массовой информации.

Нужно сказать, что эта программа не содержит чего-то радикально и принципиально нового, что не обсуждалось бы в течение последних трех лет, начиная с 1997 г. Большинство идей, которые включены в программу, обсуждались, они были в разной стадии готовности, и, наверное, заслуга именно этого правительства, нынешнего президента состоит в том, что у них хватило политической воли сказать, что именно эти действия будут являться нашей целью. Безусловно, самым сильным и решительным шагом правительства являются предложения по налоговой реформе, потому что существует уже всеобщее согласие и у бизнеса, и у государства, что те налоги, которые сегодня предлагается платить, являются неразумными, что та система, которая заставляет платить налоги предприятия, не имеющие прибыли, налоги, которые могут разорить предприятие, не может существовать дольше. И здесь, впервые за многие годы, есть согласие и правительства, и Государственной Думы. Я надеюсь, что Совет Федерации поддержит эту позицию.

Это будет существенным продвижением вперед, хотя настораживает следующий факт. Программа Грефа разделилась на несколько документов. В текстовом документе есть слова о том, что и дальше будут последовательные действия, следующие налоги будут затрагиваться. В то же время, в плане первоочередных действий, который уже фактически расписан по пунктам на 2001—2002 гг., все упоминания о дальнейших шагах в области налоговой реформы отсутствуют. Будем надеяться,

что это недоработка при составлении плана правительства, и что правительство всерьез намерено двигаться дальше в этой области.

Очень большое значение правительство придает либерализации правил ведения бизнеса. Это тоже, наверное, одна из основных проблем, которые сегодня существуют в России. Многие из здесь присутствующих, кто ведет свой собственный бизнес, понимают, что за этим стоит. Создание нового предприятия с нуля занимает два—три месяца, на действующее предприятие могут прийти двадцать, тридцать, пятьдесят, в некоторых регионах до восьмидесяти различных инспекторов, каждый из которых имеет право закрыть предприятие, а фактически не закрыть, а просто потребовать взятку. Эта ситуация не устраивает бизнес, и слава Богу, что федеральное правительство понимает, что с этим надо бороться. Здесь, мне кажется, будет основное поле, где новые федеративные отношения, новые отношения между центральной властью и региональными властями будут проходить проверку на прочность. Не секрет, что большинство из этих инспекций, контролеров и ревизоров подчиняются местным властям. Захочет ли местная власть по всей стране идти в том русле, которое намечает центральное правительство, сможет ли центральное правительство довести эту линию до конца, сколько понадобится времени на реализацию этих мер, — это, к сожалению пока не понятно. Есть декларации, но, в отличие от налоговой реформы, даже первые законопроекты еще не попали в Государственную Думу.

Очень много внимания в программе Грефа, в первом ее варианте, было уделено социальной реформе, особенно пенсионной реформе. К сожалению, в окончательном виде пенсионная реформа вообще исчезла, она ушла за период 2002 г., и мне кажется, что это одна из больших стратегических ошибок, потому что кризис пенсионной системы достаточно очевиден. Уже сегодня размеры пенсий ниже любого допустимого уровня и, к сожалению, демографическая ситуация будет складываться так, что через пять—семь лет положение пенсионеров станет еще более тяжелым. Сегодня, когда у федерального бюджета, у Пенсионного фонда есть достаточно существенные финансовые ресурсы, можно было бы постепенно переходить на новую схему персональных счетов, персональных пенсионных накоплений. Но даже на уровне правительства этот шаг не получил поддержки и, видимо, переход на новую пенсионную систему состоится позднее, и за него надо будет платить большую цену.

К сожалению, в программе правительства есть несколько блоков, которые просто отсутствуют и которые, как мне кажется, являются ключевыми для того, чтобы быть уверенным, что правительство намерено вывести экономику России вперед. Николай Александрович Чер-

тов уже говорил о том, что нет совсем раздела о федеративной реформе, отношений властей и, соответственно, невозможно перестроить бюджетную систему, не зная, как будут строиться отношения разных властей. Это является одним из ключевых вопросов. Можно соглашаться или не соглашаться с намерением правительства снизить долю бюджетных расходов в ВВП, но, прежде чем это делать, нужно четко понять, какой уровень власти за какие расходы отвечает. Те фразы, которые звучат в программе Грефа, звучат примерно следующим образом: расходы на социальное обеспечение, на здравоохранение, на оборону нужно повысить, причем повысить, в первую очередь, в той части, которая касается федерального бюджета, а сократить нужно дотации на ЖКХ. Дотации на ЖКХ висят на региональных, в особенности на местных бюджетах. Каким образом в нашей стране это можно реализовывать? И удастся ли обеспечить снижение расходов большее, чем их увеличение на федеральном уровне, пока не понятно. Без четкого прописывания раздела федерализма с этим разобраться невозможно.

На последнем этапе доработки программы правительства исчез такой важнейший блок, как судебно-правовая реформа. Новая экономическая система, новые экономические отношения в нашей стране требуют нового подхода к решению споров, в том числе споров в арбитражном суде, которые возникают между различными предпринимателями, между предпринимателями и государством. Последние события показывают нам, что государство далеко не всегда готово идти по некоему рациональному пути. Например, возбуждение уголовного дела по неуплате налогов против руководителей крупнейших компаний — «Лукойла» или АвтоВАЗа — притом, что налоговая полиция ни в одном, ни в другом случае не смогла предъявить весомых доказательств. Обычная мировая практика в этой области строится следующим образом. Возбуждение уголовного дела есть прерогатива суда. Суд на основании доказательств, которые должны предоставлять следственные органы, в данном случае — налоговая полиция, принимает решение, возбуждать или не возбуждать дело. У нас же вся судебная практика, по которой работает прокуратура, МВД, ФСБ, такова — сначала обвиняют, а потом начинают искать доказательства. Очевидно, что чем дольше мы будем задерживать эту реформу, тем больше проблем будет возникать у нашего бизнеса. Наши суды зачастую находятся под влиянием местных властей и в меньшей степени они защищают интересы кредиторов.

Я очень часто сталкивался с проблемами банковской системы и убедился, что один из вопросов, которые стоят перед банками — боязнь давать в долг, потому что заемщик всегда прав. В 95% случаев суд будет

оправдывать заемщика, будет находить различные объяснения тому, что он хотел вернуть кредит, но не мог, и поэтому никаких надежд, что деньги можно списать с заемщика, практически не существует. Очевидно, что это отношение надо ломать, эта практика работы судебной системы должна меняться, и тогда вполне возможно, что новые экономические отношения будут более прочными.

Собирается ли государство тратить какие-либо деньги на поддержку каких-либо приоритетных отраслей? Мне меньше всего хочется, чтобы в качестве приоритетных отраслей у нас традиционно выступали ТЭК, АПК, ВПК и все остальное. Определить несколько узких направлений, на которых российская экономика могла бы сделать быстрый рывок вперед, могла бы выйти на какие-то мировые рубежи конкурентоспособности, и поддержать эти проекты ресурсами государства, я считаю, правительство было обязано, но оно этого не сделало.

И последний сюжет, который меня лично тревожит больше всего — это то, что вся программа Грефа построена в лучших традициях программ советского периода: есть российская экономика, и мы живем внутри себя самих, а все, что происходит за границами Российской Федерации, нас не касается. Жизнь в мире меняется очень быстро, идут очень активные процессы глобализации, интеграции хозяйственной деятельности во всем мире. Во многих отраслях промышленности идет концентрация производственных мощностей. В авиационной промышленности остались практически два концерна в мире — «Боинг» и «Аэрбас» — все остальные фактически исчезли. В автомобильной промышленности существует примерно пять конгломератов, есть ощущение, что их будет меньше — три или четыре. Похоже, что лет через десять мировая экономика будет выглядеть совершенно по-другому. Будут глобальные интеграционные системы, которые будут охватывать производственные мощности, расположенные на разных континентах, и которые будут выступать в качестве единого поставщика товаров и услуг. И у нас есть все шансы остаться в стороне от этого процесса. Сегодня Россию со всем миром связывают нефтепровод и газопровод и, в принципе, никакой другой товар в массовом масштабе мы продать за границей не можем. То, что мы абсолютно неконкурентоспособны на мировых рынках, — самый большой показатель ущербности состояния российской экономики, ее безуспешности.

Задача выхода на мировые рынки должна решаться в увязке с привлечением иностранных инвестиций, в увязке с обновлением технологических мощностей на наших предприятиях, в увязке с созданием специальных режимов для каких-то предприятий. Я приведу пример, с ко-

торым недавно столкнулся. Есть известный проект создания автомобильного завода «Форд» во Всеволожске Ленинградской области, который должен собирать 150 тыс. автомобилей «Форд Фокус». Условием этого проекта является то, что «Форд» должен довести долю местных комплектующих до 45 или 50%. После проведения многочисленных исследований компания сказала: «Мы не можем этого сделать, у вас в России нет такого количества качественных товаров, которые мы можем поставить на этот автомобиль, иначе это будет плохой автомобиль, и мы не сможем дать ему свое имя. Давайте мы сделаем другой проект, давайте мы рядом построим еще один завод, на котором будут производиться автомобильные фары для всех автомобилей «Форд Фокус», которые выпускаются во всем мире». На это наши чиновники сказали: «Нет, нам это не надо». Но от того, что если у нас будет производиться 150 тыс. автомобилей из импортных комплектующих, в нашей экономике точно ничего не произойдет. А если мы будем производить автомобильные фары и продавать их по всему миру — это и есть та самая интеграция, это и есть прорыв на внешние рынки.

К сожалению, идеология, что у нас много всего, что мы сейчас за счет доходов экспортеров поддержим базовые отрасли, а они производят еще больше труб, еще больше металла, толкает Россию все дальше и дальше назад от уровня развития мировой экономики. И это самая большая опасность, которая у нас сегодня существует.

Вопросы и выступления

Емешин К.Н. — У меня два вопроса, касающиеся Вашей оценки перспективы. Первый вопрос. В развитии экономики всегда есть некая политическая составляющая. Сейчас мы являемся свидетелями роста этой политической составляющей. Как Вы считаете, какой удельный вес она имеет, и сможет ли она поколебать или внести какие-то изменения в экономическую политику? И второй вопрос. Я думаю, хорошо, что Николай Александрович Чертов здесь выступил, и прозвучали две противоположные точки зрения. Вы высказали либеральную точку зрения, а в регионах существует совершенно противоположная. Как Вы оцениваете перспективы экономической реформы в России, когда сверху декларируется одно, а в регионах придерживаются другой, совсем не либеральной политики и даже препятствуют ей?

Алексащенко С.В. — Спасибо за хорошие вопросы. Безусловно, в экономической политике роль политического лидерства исключительно высока, я бы сказал, она главенствующая, потому что без наличия сильной политической воли, без наличия желания проводить реформы нет

смысла менять что-либо в правилах, существующих сегодня в экономике. Да, российская экономика может и при невмешательстве государства потихоньку расти. Пока растут цены на нефть, экономика показывает положительные темпы роста, но цены на нефть начнут снижаться, и экономика покажет отрицательные темпы роста. Мне кажется, что самое плохое состояние экономики, когда она полностью зависит от внешних факторов. К сожалению, опыт России, начиная с 1995 г. и до 2000 г., показывает, что зачастую правительству, премьер-министру, президенту не хватает политической воли именно на проведение реформ по разным причинам. То ли в силу того, что неубедительно звучат предложения, то ли в силу того, что проводится политика сдержек и противовесов. Честно говоря, мне кажется, что сегодня много говорится, что у России сегодня есть возможность, есть некий шанс вести успешные реформы, но опыт мирового развития за последние 100 лет показывает, что ни в одной стране мира реформы не проводились в то время, когда экономика страны находилась во внешне хорошем состоянии. А у нас сейчас внешне все очень хорошо: низкая инфляция, растет производство, стабильный курс национальной валюты, крепкий бюджет, выплачена задолженность по зарплате, повышаются пенсии. То есть, весь тот набор отрицательных моментов, который существовал пять лет, сегодня исчез, и есть очень сильная мотивация самоуспокоиться. Зачем что-то менять, если и так все хорошо? Это и есть самый большой политический риск. Мы можем потерять время и упустить возможность для проведения серьезных экономических реформ.

Реформы в России и регионах. Россия слишком многообразная страна, чтобы все и везде можно было делать единообразно. Мне кажется, нужно четко разделить две вещи. Первая — задача центральных властей заключается в создании базовых предпосылок для того, чтобы страна была привлекательной для инвесторов, не только для иностранных, но, в первую очередь, для российских. К сожалению, у нас отток капитала из страны уже стал измеряться двузначными цифрами в процентах от ВВП. В 1999 г. было 10% ВВП, в этом году, в первом квартале, отток капитала уже превысил 15%, то есть Россия сегодня — страна, не привлекательная для инвестиций, ни для российских, ни для иностранных. Во многом это зависит от федеральных властей. Это зависит от макроэкономической стабильности, стабильности налогового законодательства, от возможности федеральных властей соблюдать единство выполнения законов на всей территории страны и т.д. Но, вместе с тем, есть большая сфера вопросов, которые должны и обязаны по Конституции решать региональные власти. И здесь уже идет между регионами

существенная конкуренция за привлечение инвесторов. Есть очень хорошо известный пример Новгородской области, которая находится, казалось бы, в неблагоприятном положении между Москвой и Петербургом — двумя крупными центрами, не имеет своих природных ресурсов, не имеет выхода к морю, не имеет мощного промышленного потенциала, но, тем не менее, в период с 1996 по 1999 г. эта область стала четвертым регионом России по объему привлечения прямых иностранных инвестиций после Москвы, Петербурга и Тюмени. Там осознанно проводилась политика привлечения иностранных инвесторов, там был принят закон, по которому все новые предприятия, которые создаются на территории области, начинают платить местные налоги только в тот момент, когда они выходят на режим окупаемости текущих затрат, когда они становятся прибыльными. Это — большое налоговое послабление бизнесу, и этого оказалось недостаточно, чтобы привлечь существенные инвестиции в масштабах области. В соседней Псковской области сделали упор на административные методы: мы будем сами контролировать ситуацию, сами смотреть, чем занимаются директора, будем добиваться смены директоров не только на унитарных предприятиях, но и в акционерных обществах, которые находятся у нас в области, на тех, кто нам послушен. В результате, показатели области все снижаются, и наблюдается очень сильная миграция населения из Псковской области в Новгородскую. Это и есть конкуренция. Здесь нелепо ожидать результатов в течение одного дня или одной недели, но за 2—3 года разница в уровне жизни двух регионов стала слишком заметной.

Рыжков В.А. — Вы пару слов сказали о налоговой реформе. Если позволите, я хотел бы конкретизировать. Сейчас в прессе и вообще в обществе звучат две противоположные точки зрения. Мы, кстати, обсуждали эту проблему на Совете промышленников Алтайского края. Правительство говорит: «Мы делаем замечательную налоговую реформу, фантастическую налоговую реформу. Мы резко снижаем налоговую нагрузку, мы резко облегчаем бремя предприятий и тем самым мы создаем серьезную предпосылку для экономического роста». Это — официальная точка зрения правительства, которую оно постоянно, устами Сергея Дмитриевича Шаталова, у нас в Думе прорабатывает. Вторая точка зрения: многие экономисты говорят, что все это ерунда, никакого, на самом деле, снижения налоговой нагрузки нет, что те налоговые инициативы правительства, которые сейчас вносятся, затрагивают очень маленький сегмент себестоимости предприятий, что в главной нагрузке — отчислениях с фонда заработной платы и т.д. — ничего не меняется, и что на самом деле никаких стимулов для вывода доходов и зарплат из

тени, для инвестиций, для экономического роста нет. Было бы интересно знать Ваше мнение как эксперта по концепции этой реформы. Как Вы оцениваете ее перспективы для реального сектора экономики? И кто из высказывающих эти две крайние точки зрения более прав: те, кто говорит, что это — революционный прорыв к правильной налоговой системе, или те, кто говорит, что никаких изменений на самом деле не происходит?

Алексащенко С.В. — Если в жесткой постановке вопроса, то правы первые, которые говорят, что это фантастический прорыв, потому что впервые за последние десять лет российское правительство предлагает не повышать налоги, а снижать и отменять действующие. Такого у нас еще не было, или, скажем так, это было несколько раз в части подоходного налога, но каждый раз это блокировалось Думой, а вот такого комплексного подхода к отмене налогов не было. Сложность налоговой реформы состоит в следующем. Существует очень большой сектор экономики, который не платит все налоги, или платит незначительную часть налогов, которые он должен платить. Есть другой сектор экономики, который платит если не все, то практически все налоги ровно в силу того, что налоговый инспектор хорошо знает, где находится предприятие и понимает, что там производственные фонды никуда нельзя увести, все можно посмотреть, проверить, посчитать. Задача государства — обеспечить равный подход ко всем налогоплательщикам, чтобы все платили поровну, в соответствии с требованиями закона. Если я плачу налоги честно, сегодня я неконкурентоспособен, я разорюсь, потому что мои конкуренты платят налоги не полностью. Я должен вести себя так же, как и все. Государство делает первый шаг и отменяет, на мой взгляд, наиболее вредные оборотные налоги, снижает, пусть не очень сильно, абсолютную нагрузку на фонд оплаты труда. Это некий шаг, достаточно решительный, в нужном направлении. Для тех предприятий, которые честно платили налоги, это будет послаблением, причем очень существенным. Они почувствуют, что хорошо быть честным налогоплательщиком. Для тех, кто не платил налоги, ничего не изменится. Тех, кто платит налоги в размере 5% от того, что положено платить, эта налоговая реформа никак не затронет, она не улучшит и не ухудшит их положение. Но есть некая надежда, что наша налоговая полиция будет бороться не только с крупными компаниями, но и с мелкими компаниями, которые не платят налоги. Мне кажется, что, раз уж государство признало, что нынешняя налоговая система неразумна, должна быть какая-то негласная налоговая амнистия. Не надо возбуждать уголовные дела о неуплате налогов до 1 июля 2000 г. Мы догово-

рились, что снижаем налоги, мы хотим договора между властью и бизнесом, зачем требовать тогда налоги, которые были когда-то недоплачены? Поэтому я надеюсь, что положительные стороны этой реформы точно проявятся.

Купцов В.П. — У меня вопрос на уточнение. Недавно вышел указ президента о повышении пенсии. Это потребует дополнительно 18 млрд. рублей. Скажите, это стало возможным лишь благодаря тому, что установились высокие цены на нефть, или есть какие-то иные факторы?

Алексащенко С.В. — Я бы сказал так: это стало возможным благодаря тому, что заработная плата в послекризисный период выросла гораздо быстрее, чем пенсия. Сегодня в Пенсионном фонде образовался очень большой избыток средств. Сегодня на счетах Пенсионного фонда в Центральном банке находится примерно двухмесячный запас денег, которых хватило бы на выплату пенсий по всей стране. И этот запас постоянно растет. Отчисления в Пенсионный фонд зависят от зарплаты. Зарплата объективно повышается, а пенсии были стабильными, и это улучшало баланс Пенсионного фонда. Сегодня он настолько хорош, что, чтобы вывести баланс Пенсионного фонда в ноль, пенсии нужно повысить процентов на 35—40. Тогда доходы и расходы Пенсионного фонда будут равны.

Андреев С.В. — В нынешнем состоянии Центральный банк или должен покупать доллары, и тогда растет количество рублей и инвестиционная угроза, или должен не покупать доллары, и тогда будет падение курса доллара и ухудшение конкурентных условий для российской экономики. Что делать? Доллары, которые уходят из страны, не ложатся бременем на валютный рынок, а рубль не укрепляется.

Алексащенко С.В. — Я не согласен с тем, что отток капитала из страны в настоящий момент является благом. Есть страны в мире, которые живут за счет того, что экспортируют капитал, например, Великобритания или Япония, и получают от этого экспорта существенные доходы. Очевидно, что уровень проблем в этих странах немного другой. Особенность экспорта капитала из России состоит в следующем: во-первых, Россия сама нуждается в капитале, нам нужны инвестиции для переоснащения промышленности, экономики. Во-вторых, мы экспортируем капитал и не получаем никаких доходов на этот капитал. Это не инвестиционные вложения в ценные бумаги, в долговые документы. Просто в разных формах капитал уходит из страны и не приносит никаких доходов. Вред этого процесса в том, что мы лишаем страну сбережений и при этом мы как страна в целом не зарабатываем. Конечно, кто-то всегда зарабатывает. Но страна на этом не получает ничего.

И по первому вопросу. Политика — искусство возможного, так вот, худшее, что можно делать, это ничего не делать. Это мы наблюдаем сегодня. Это самое худшее. Есть два глобальных направления.

Первое: пытаться стерилизовать выпускаемые Центральным банком рубли за счет размещения долговых обязательств, за счет размещения долговых обязательств Министерства финансов и погашения полученными средствами долга перед Центральным банком. Это специфические стерилизационные мероприятия, когда деньги изымаются из обращения и уменьшается количество денег в обращении. К сожалению, масштаб проблемы слишком велик. По нашим оценкам, на сегодня сумма избыточной ликвидности приближается к 200 млрд. рублей и очевидно, что просто такими шагами мы вряд ли решим эту проблему. Мне кажется, что для нас сейчас самым правильным шагом было бы отказаться от обязательной продажи валютной выручки. Сегодня экспортеры обязаны продавать валютную выручку, в очень жесткие сроки — 75%. Именно поэтому на рынке возникает постоянное предложение валюты, а спрос на нее отсутствует.

Мне кажется, что этот шаг нужно и можно делать, но, к сожалению, эта норма установлена законом. Такой законопроект не внесен в Государственную Думу, соответственно, 19 июля этот законопроект не может быть рассмотрен, соответственно, все эти проблемы уходят на осень, на зиму. К сожалению, процесс наращивания избыточной ликвидности продолжается. Валютные резервы Центрального банка за последнюю неделю выросли на 800 млн. долларов. Это означает, что Центральный банк имитировал 22, 5 млрд. рублей, каждую неделю. Вот цена вопроса.

Андреев С.В. — И какой прогноз развития? Если денежная масса увеличивается на 20—30 млрд., то, очевидно, возможен инфляционный взрыв?

Алексащенко С.В. — Да, возможен. Первая наиболее очевидная угроза состоит в том, что избыточное количество денег приводит к росту инфляции. К сожалению, такая угроза существует, это не означает, что она обязательно реализуется. Повышение пенсий, повышение зарплат, повышение тарифов на электроэнергию, на газ, на железнодорожные перевозки, — все это подталкивает цены к росту. Подобная инфляционная спираль может раскрутиться достаточно быстро.

Вторая угроза, которая возникает, связана с тем, что деньги — это капитал, капитал должен работать, и если он не находит себе применение в этой стране, то он будет утекать из России, он будет работать в экономике другой страны, и обратно никогда не захочет вернуться.

Это объективный процесс. Третья проблема заключается в том, что избыточная ликвидность подрывает основу банковской системы. Сегодня количество денег, которое есть у экспортеров, они являются главными заемщиками нашей банковской системы, настолько велико, что им кредиты банковские не нужны. Банки мучаются вопросом, кому дать кредит. Количество ресурсов превышает спрос на кредит. Это означает, что доходы банковской системы падают и капитал банковской системы не растет, а снижается. Это, если хотите, стратегическая угроза.

Попов А.В. — Сергей Владимирович, в данный момент и для правительства, и на местном уровне становится ощутимым тот факт, что растет имущественная дифференциация населения. Разница между доходами бедных и богатых превышает все международные пределы. Как Вы оцениваете данную ситуацию, когда это будет исправляться, при помощи чего, при помощи налоговой системы, подоходного налога? Второй вопрос касается того, что Вы назвали недостатки социальной политики. Когда же правительство начнет заниматься своими программами, которые сегодня уже приняты? Все финансовые расходы на социальную сферу по этим программам ложатся на администрации регионов. Естественно, что это огромный недостаток, поскольку федеральные программы фактически не реализуются, или реализуются односторонне. Сегодня местные бюджеты в основном дефицитны, а порядка 30% бюджета представляют льготы, которые мы должны предоставлять.

Алексашенко С.В. — Относительно дифференциации доходов. Она действительно растет. Это объективный процесс. Если брать самого богатого и самого бедного человека в каждой стране, то этот разрыв растет с каждым годом, к сожалению, ничего с этим сделать нельзя. Я не стал бы придавать большого значения этой проблеме по двум причинам. Во-первых, у нас в стране, к счастью, существует общинное мышление. Мы живем большими семьями. Если в большой семье есть один, два человека, которые зарабатывают деньги, то идет некоторая система перераспределения доходов, которая статистикой, безусловно, не учитывается, но она очень интенсивная. Эта система позволяет решать какие-то проблемы. Статистика доходов абсолютно не учитывает доходов, получаемых от теневой экономики. В Москве очень часто можно увидеть в сводке автомобильных происшествий, что кто-то на «Мерседесе» врезался в «Жигули». За рулем «Жигулей» сидел начальник цеха, а за рулем «Мерседеса» безработный. Это также относится к вопросу об уровне жизни и о реальных доходах.

По статистике, безработный должен жить на пособие, а по факту жизнь устроена по-другому. Мне кажется, что для общества проблема

состоит не столько в самой дифференциации и в том, насколько она велика. Для общества проблема должна состоять в том, что должен быть некий минимум социальных благ и услуг, которые общество должно давать каждому гражданину. В зависимости от уровня развития экономики, в зависимости от состояния бюджета этот минимум должен даваться всем. Если государство сможет эту систему наладить, то это будет гораздо важнее, чем попытки ограничить богатство богатых. Когда правительство будет заниматься социальными программами? Хороший вопрос, но ответа на него я не знаю.

Вы правильно подметили проблему того, что существует большое количество федеральных законов, устанавливающих различные льготы, которые должны финансироваться из региональных и местных бюджетов. Я помню, что еще с 1995 года, когда я в Минфине занимался планированием бюджета, мы пытались через Государственную Думу провести закон об отмене этих законов. Ни разу правительству не удалось добиться поддержки этих законопроектов в Думе, максимум, на что пошла Дума в этом году, так это на то, чтобы приостановить действие на один год некоторых социальных программ. Логика правительства сводится к тому, чтобы свести социальные пособия к одному, двум: это пособие на детей и пособие по нуждаемости. Правительство намерено сконцентрировать все деньги на этих двух пособиях, но тогда все остальные льготы нужно отменить, потому, что деньги расплывются тонким слоем на большое количество бутербродов. В результате денег не достается никому.

С логикой правительства трудно спорить, потому что правительство выражает готовность платить эти два пособия и контролировать выделение денег для того, чтобы все могли получать это пособие. Никто из депутатов не хочет находиться в положении человека, отменяющего льготы. Вводить льготы легко, отменять льготы очень сложно. Не менее сложна проблема взаимоотношений федеральной и региональных властей в тех же самых социальных системах здравоохранения и образования. Здесь предполагается переход к подушевому стандарту, но очевидно, что 85% финансируется на региональном уровне.

Как можно вводить единый подушевой стандарт на территории России, который будет касаться и сельских местностей, и городских, как перераспределять финансовые ресурсы? Можно ли это делать сверху, в рамках действующего законодательства? К сожалению, эти вопросы упираются в непроработанность федеративных отношений. И ответа на них пока нет. Обещают начать проводить эксперимент с подушевого

финансирования образования в мае 2001 г. Когда эти меры перерастут рамки эксперимента, неизвестно.

Шульце П.¹ — Я хотел бы несколько опровергнуть те оптимистические настроения, которые высказывает господин Алексащенко, по поводу процесса экономических реформ, которые мы наблюдаем с 1991 г. Я хотел бы высказать несколько критических замечаний. Во-первых, что касается банковской системы и инвестиций. Мне кажется, что это две вещи, которые тесно взаимосвязаны друг с другом. Негативный фактор — ослабление банковского сектора или отсутствие банковского сектора, который функционирует в качестве насоса любой экономики капиталистического мира, который должен снабжать кредитами всю действующую экономику. Такая банковская система в России до сих пор не работала. Я не разделяю ту оценку, которая была высказана здесь, что за это отвечает только Дума, так как она не принимает соответствующего законодательства. Мне кажется, что Дума рассматривается здесь слишком монолитно в своей позиции и кажется поэтому анонимной. Мне кажется, что за отсутствие нормально функционирующей банковской системы в России отвечают совершенно другие группы, другие слои. Этот процесс связан с этапом формирования финансового капитала в России, потому что в этот период создание нормальных, упорядоченных взаимоотношений в банковской сфере не являлось интересом тех людей, которые создавали эту банковскую систему.

На Западе никто до сих пор не может понять, почему после финансового кризиса августа 1998 г. не были предприняты соответствующие шаги в упорядочении этой системы. В России есть только один функционирующий банк — Сбербанк. Нам непонятно, почему Сбербанк выступает как единственный собирающий деньги банк. Мне кажется потому, что за спиной Сбербанка стоит государственная гарантия. До тех пор, пока в России будут отсутствовать государственные гарантии, защита депозитов, будет отсутствовать система внесения денег на банковские счета. Пока в государстве будет отсутствовать надзор за банковской деятельностью, будет отсутствовать нормальная кредитная система.

Я бы сказал еще больше, что до тех пор, пока Центральному банку не будет запрещено выдавать кредиты государству, или путем кредитов поддерживать какие-то определенные предприятия, до тех пор не будет основы для работы коммерческих банков. Здесь мы затрагиваем центральную проблему, а именно проблему, откуда брать средства для модернизации российской экономики. До тех пор, пока граждане не увидят

¹ Здесь и далее перевод с немецкого выполнен С.Л.Виноградовым и Р.Е.Кокаревым. - *Прим. отв. ред.*

в банках гарантированную, надежную, обеспеченную систему, куда они могут вкладывать свои деньги, до тех пор будут отсутствовать основания для мобилизации финансовых средств. Капитал не может приходить только извне.

В мировой практике трудно найти примеры того, чтобы удалось реформировать экономику какой-либо страны только за счет внешних ресурсов. Мне кажется, что эта задача обеспечения безопасности вкладов населения является основной задачей для дальнейших успехов модернизации России.

Я полностью согласен с тем, что сказал господин Алексашенко в отношении АвтоВАЗа. Тот, кто хоть раз был на этом предприятии, посмотрел цеха, абсолютно убежден, что это предприятие должно быть полностью модернизировано, либо за счет собственных средств, либо за счет средств внешнего инвестора. Но для этого нужны банки. Особенно, что касается взаимодействия с международным капиталом. Такая же ситуация на «ГАЗе» в Нижнем Новгороде. Почему две новых модели, которые создал этот завод, не пошли в производство? Потому, что просто нет денег. Спрос на рынке есть на эти машины, но первичные инвестиции в производство отсутствуют. Мне кажется, что это положение стало хронической проблемой российской экономики.

Алексашенко С.В. — Я могу только согласиться с большинством положений, которые высказал господин Шульце. Да, конечно, за современное состояние банковской системы отвечает не только Дума, и даже не столько Дума, а в первую очередь Центральный банк и правительство. Мне бы хотелось, чтобы, когда мы говорим о том, что у нас есть только один банк — Сбербанк, вспоминали историю приватизации российских банков. У нас в конце 1980-х гг. было 5 спецбанков, которые имели отделения во всей стране, из этих 5 банков сохранился только один, под названием Сбербанк. Все остальные были незаметно приватизированы, к тому же бесплатно, без активов. Появилось 800 банков на месте 5. А после этого мы удивляемся, что 800 банков исчезли, а Сбербанк остался.

Польша в такой же ситуации пошла по другому пути. Во-первых, они отложили приватизацию банков на конец 1990-х гг., несмотря на то, что реформу начали гораздо раньше нас. Они в ходе реорганизации банковской системы создали семь примерно равных банков, с равномерно распределенными филиалами по территории страны. Они проработали несколько лет, и после этого их начали приватизировать по частям. В прошлом году поляки продали два больших пакета акций двух банков, получив при этом 2,5 млрд. долларов. Вот так иностранный капитал приходит в банковскую

систему. Он не вкладывает туда и не строит с самого начала, он приходит и покупает некий кусок. Мне бы хотелось, чтобы господин Шульце довел до сведения германского правительства, а германское правительство до своего представителя в МВФ, что не надо ломать Сбербанк, не нужно выдвигать предложений по его разукрупнению и разделению.

Шульце П. — Никогда. Никогда не нужно ломать Сбербанк.

Алексашенко С.В. — Мне бы хотелось, чтобы германский представитель в МВФ занял такую же позицию. Центральному банку нужно запретить выдавать кредиты предприятиям и бюджету. Насчет бюджета у нас существует запрет, за исключением того, что это может быть предусмотрено законом о бюджете, чем депутаты при каждом удобном случае пользуются. Пока бюджет в хорошем состоянии, они не считают нужным пользоваться «услугами ЦБ», как только чего-то не хватает, они прибегают к изыманию средств. К сожалению, жесткого запрета в законе нет, и приходится с этим жить. А.А. Суриков, к сожалению, является активным сторонником кредитования народного хозяйства. Многие члены Совета Федерации считают, что задача ЦБ состоит в том, чтобы кредитовать те предприятия, которые губернаторы скажут. Я согласен с господином Шульце, что этого делать не надо.

Я также согласен с тем, что нужна система надзора, и самое большое упущение ЦБ в том, что в послекризисный период система надзора не претерпела изменений, и более того, она даже ослабла. Люди, возглавляющие ЦБ, не считают нужным что-либо менять. Система гарантирования вкладов — очень спорная позиция. К сожалению, переговоры между Думой и банковским сообществом ни к чему не привели. Правительству решений также найти не удалось, по разным причинам, начиная от личных амбиций, заканчивая тем фактом, что правительство заняло очень жесткую позицию на том основании, что оно не готово вкладывать средства в кампанию по гарантированию вкладов. Изначально было видно, что в случае банковского кризиса корпорации, возникающие с нуля, тоже становятся банкротами. Именно поэтому нужен был большой стартовый капитал, который правительство отказывалось внести. Сейчас, после кризиса, вновь заговорили о том, что такой закон нужен. Вполне вероятно, его удастся подготовить. Поживем, увидим.

Мельников А.Н. — Сейчас все сценарии, с которыми выступают экономисты, имеют один недостаток. Наше правительство иногда походит на человека, который лежит на горячей трубе, как бомж в канализационном колодце, труба горячая, нефтяная, потому что цены разогреты с помощью кризиса. Если ранее наши западные коллеги говорили, что есть Россия во мгле, то теперь нужно говорить о том, что есть Россия во

сне. Вы говорите прописные истины, но с их реализацией достучаться невозможно. Когда труба станет холодной, нам придется встать с нее, начать работать. Есть ли другие варианты, не ориентированные на разогрев цен на мировом нефтяном рынке, который, вне нас начавшись, вне нас и кончится. Вы говорили, Сергей Владимирович, что промышленность другая сегодня тоже развивается, но это 2 — 3% от всего роста. Возможно, это статистическая погрешность. Есть какие — то сценарии?

Алексащенко С.В. — Я построю ответ из двух частей. Во-первых, я абсолютно уверен, что если правительство будет проводить экономическую политику и реализовывать те цели, которые оно поставило перед собой, то даже охлаждение трубы будет не столь тяжелым для нас и остальная экономика начнет расти. Когда я говорю о проведении экономической политики, то я вкладываю в эти слова определенный смысл. Правительство определило цели, оно сказала, чего оно хочет добиться. Теперь нужно, чтобы правительство начало действовать. И на основании действий правительства, мы должны сказать, что да, оно движется туда, куда намеревается. Если будет такая ситуация по приоритетным направлениям, будет виден прогресс (пусть даже не очень быстрый, главное, чтобы он был последовательный).

Главное, чтобы мы не крутились на одном месте, принимая хаотические решения. Если будет такая экономическая политика, то тогда ситуация с охлаждением трубы будет не очень болезненной. Если этого не будет происходить, то есть два варианта. Вариант первый рассчитан на то, что в обществе все-таки консолидируются некоторые силы: правительство, Дума, президент. Как вы помните, в 1998 г. такая попытка уже была. Кириенко пытался предложить некий пакет реформ. Он встретил очень жесткую оппозицию со стороны Думы. В глазах иностранных инвесторов конфликт между этими ветвями власти стал показателем того, что с нашей страной не надо связываться. Есть сценарий другой, как в Бразилии, которая столкнулась с тем же самым кризисом, на полгода позднее. Там также очень долго не хотели решать вопросы. Как только реал начал девальвироваться, очень быстро, в течение двух недель, Конгресс принял все необходимые законы, страна получила большой кредит МВФ, инвесторы поверили в Бразилию. Ситуация быстро изменилась.

Первый образец, помимо России 1998 г., показала Венесуэла. Они ведут себя так на протяжении долгого времени. Эта страна, так же как и Россия, сильно зависит от нефтяного экспорта. Позиция властей этой страны в том, что когда наступает кризис, они проводят реформы. Как только цены на нефть повышаются, они забывают о реформах.

Стриженко А.А. — Я хотела бы поддержать подход Петера Шульце. Он показывает, что мы в России привыкли самобытно оценивать свою историю, свою экономику. Но существует взгляд снаружи, который, конечно, гораздо шире. В таких странах, как США, экономический рост начался в период гражданской войны и после, в Японии на сто лет позже, с так называемого сдвига функции сбережения. В России мы этого процесса не заметили. Национальные сбережения перешли в национальные инвестиции, фактически национальные сбережения равны национальным инвестициям. Страны, которые сейчас относятся к странам с нарождающимися рынками, это страны Африки. По прогнозам департамента коммерции США, Россия не рассматривалась до 2000 г. как страна с нарождающимся рынком. Для этого, я думаю, есть политические причины.

Я считаю, что регионализация — начальный этап глобализации. Мы имеем шанс начать регионализацию у себя в стране, используя методы глобализации. Мы как-то это упускаем. Во всех региональных союзах реформы начинаются с либерализации торговли, затем следует реструктуризация и приватизация банковского сектора, страхования и т.д. Затем идет инфраструктура, и, что меня поразило, экология и комфортные условия проживания. В этих условиях начинается поток инвестиций. За этим идет развитие демократических институтов. Я считаю, что экономическое развитие первично. Нам никто ни подарит ни свободу, ни благосостояние, если мы не будем заниматься развитием экономики. Нам как-то надо учитывать зарубежный опыт.

Алексащенко С.В. — Я только могу согласиться со всем, что Вы сказали. Но не надо забывать, что в Японии была оккупационная армия. Насчет сопоставлений: меня также стала интересовать Африка. Наше развитие во многом схоже. Один из выводов, которые сделали специалисты Мирового банка, звучит так. Страны Африки так же богаты сырьевыми ресурсами, как и Россия, вся экономическая политика и действия властей строятся таким образом, чтобы поддерживать сырьевые отрасли в ущерб производящим. Именно поэтому конкурентоспособность снижается. Международные сопоставления важны, но нужно учитывать и отрицательные стороны.

Трофимов Б.А. — Сергей Владимирович, вот уже пять лет идет подготовка пенсионной реформы. Сменилось пять правительств. Создана оргструктура, технологии. Осталось полгода, чтобы перейти на страховую накопительную систему. И вдруг резкий уход. В чем причины, и каковы аргументы таких действий?

Алексащенко С.В. — Честно говоря, я не могу ответить на этот вопрос. Я не слышал ни одного объяснения, почему правительство отказалось от этого шага. Они просто решили этого не делать, и все. Владимир Александрович говорит, что это связано с введением единого социального налога, нет. Это просто некоторое принципиальное идеологическое решение. Неизвестно на каком уровне, неизвестно чье, просто решили не делать.

Ганеман Е.К. — Сергей Владимирович, мы не нашли ответа вот на какой вопрос в программе правительства. Вы знаете специфику предприятий за Уралом. У этих предприятий громадная кредиторская задолженность, которую в ближайшие годы выполнить невозможно, реструктуризация не идет. Условия реструктуризации такие, что ее провести невозможно. Денежная составляющая у предприятий Алтайского края 25—30%. Требования всех монополистов — 100% деньгами. Как в таких условиях предприятиям найти достойное место в планах правительства? Как выйти из этой ситуации?

Алексащенко С.В. — Вопрос из серии, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастливые несчастливы каждая по-своему. Скажите, как всем несчастливым стать счастливыми? Универсального рецепта нет. У каждого предприятия есть свои проблемы. Универсальный рецепт звучит следующим образом. Я понимаю, что он будет банальным, но он является общим. Найдите конкурентоспособную продукцию, которую вы в состоянии выпускать, которая будет пользоваться спросом. Под эту продукцию возьмите кредит в банке, чтобы расплатиться с поставщиками, с энергетиками и т.д. Продайте ее и развивайте производство далее. Нужно выпускать конкурентоспособную продукцию, ненужные цеха закройте. Нужно понять, что задача любого предприятия — работа с прибылью. Может быть, тогда все поменяется.

Шамков Ю.В. — С ростом объема производства возникает вопрос с модернизацией средств производства. Сегодня оборудование ломается, последний раз обновление проходило 10 — 12 лет назад, оборотных средств не хватает. Кредиты выдаются под очень высокий процент, который предприятия не в силах платить. Это проблема глобальная для всей России. На уровне правительства эта тема как-то обсуждается? Есть какие-то планы?

Второй вопрос касается того, что сегодня мы все больше переходим на расчеты деньгами. Это хорошо. Заставляют платить деньги энергетикам, налоги всех уровней, но, с другой стороны, существуют сегодня схемы, где дисконты до 50%. Фирмы, имеющие доступ к этим схемам, перебивают рынок промышленным предприятиям. До февраля ис-

пользовались две цены: денежная и зачетная. Между ними существует приличная разница. Ранее между этими схемами был баланс. Удалось рассчитываться по налогам и с поставщиками. Теперь это делать не удастся. У правительства есть какие-либо планы выравнивания? Промышленные предприятия попадают в тяжелую ситуацию.

Алексашенко С.В. — Я ни разу не слышал, чтобы вторую проблему правительство обсуждало. Ничего не могу сказать. Проблема старения оборудования существует, и она вызывает тревогу. По-крупному, технологическое обновление было в конце 1970-х гг., когда был очередной нефтяной бум. Прошло 20 лет, обновление просто необходимо. К сожалению никаких мер, кроме как констатация, в правительстве не существует. Я думаю, что государство должно играть более активную роль. Например, через гарантирование импортных закупок оборудования. Можно использовать на эти цели ресурсы Сбербанка. Но государство должно гарантировать доход Сбербанку. Государство само должно решать на конкурсной основе, кого поддерживать. Однако практических шагов нет.

Рыжков В.А. — Мы сегодня уже достаточно подробно обсуждали проблему соотношения рубля и доллара, проблему внешнего долга, проблему налоговой системы. Сейчас, помимо всего прочего, идет дискуссия об участии западных банков на российском банковском рынке. Еще Примаков говорил о том, что было бы неплохо пару крупных банков пустить на российский рынок, вплоть до создания филиальной сети, привлечения сбережений населения, кредитования промышленных предприятий под те процентные ставки, которые существуют на Западе, и тем самым попытаться решить банковскую проблему. Но уже тогда правительство столкнулось с такой проблемой: западные банки не хотят идти в Россию, они боятся, что через них будут отмываться грязные деньги, они боятся политических рисков, боятся, что наши предприятия не будут возвращать деньги, которые те будут кредитовать и т.д. Как Вы, как профессионал, оцениваете эту проблему? Нужно ли заманивать на наш рынок западные банки, какую они могут сыграть роль, есть ли надежда, что они действительно могут прийти и начать работать в нашей банковской системе? И выживут ли наши банки, если у нас появятся крупные западные банковские концерны, корпорации и т.д.?

Алексашенко С.В. — Я думаю, надо начать с того, что западные банки не начнут никогда давать российским предприятиям кредиты под те процентные ставки, которые существуют на Западе. На Западе они существуют для западных предприятий, которые банки хорошо знают. Здесь, соответственно в любом случае будет премия за риск. На сегодня в России существует более 20 банков со стопроцентным иностранным

капиталом, и я думаю, что практически все крупнейшие мировые банки здесь представлены, и немецкие, и американские, и английские, и японские уже пришли. Поэтому вопрос, придут они или не придут, уже решен — они пришли.

Можно ли рассчитывать на то, что они будут играть здесь активную роль? Я думаю, что нет, потому что мы их поставили в такую позицию, что им надо отстраивать весь банковский бизнес с нуля. Это долго, это требует больших денег, и не понятно, сколько времени займет этот процесс. Обычно иностранные банки приходят и покупают действующую банковскую сеть. Тогда они сразу могут приобрести сеть, и именно в этом состоит цена.

Что касается общих перспектив, то иностранные банки попали в ту же самую ситуацию, что и российские — даже если у них есть деньги, они не знают, куда их вложить. Очень многие банки с иностранным капиталом просто передают деньги своим материнским компаниям в Европу, Америку, и те распределяют их на других рынках. До тех пор, пока банковский бизнес малоприбылен и не пользуется привлекательностью у российских инвесторов, иностранные банки сюда не пойдут.

Ужакин С.Ф. — Сергей Владимирович, в послевоенном развитии ряд стран (Германия, Япония) успешно осуществил на практике теорию прорыва. У меня к Вам личный вопрос. Как Вы считаете, возможна ли модель прорыва по-русски, и если да, то могли бы Вы описать основные координаты этой теории?

Алексашенко С.В. — Я вынужден опять повториться, что Германия и Япония были оккупированы, и именно оккупация создала некую основу для рациональной экономической политики. В Японии до недавнего времени и армии своей не было, и расходов на оборону не было.

Я думаю, что можно и в условиях России строить некие технологические прорывы. Сначала нужно занизить уровень своих ожиданий. Нужно понять, что мы — не великая держава, которая в состоянии все произвести сама. В лучшем случае, мы можем производить маленькие компоненты для того, что делается во всем мире. Пример с теми же самыми автомобильными фарами. Я думаю, что в нашем Приморье, в районе Хабаровска, Владивостока, можно было бы для японских и корейских заводов-поставщиков их делать, потому что там морской транспорт. Это невозможно делать в Барнауле, слишком большая транспортная составляющая. Есть ограничение на поставки японских автомобилей в США. Можно производить сборку в Хабаровске, и как российские автомобили ввозить в США. Нужно четко понимать, что должна быть кооперация. У нас есть некоторые сохранившиеся результаты в

авиационной промышленности, мы еще можем делать что-то конкурентоспособное в этом плане. Двигателей у нас своих практически не существует. Значит, нам нужен какой-то консорциум с кем-то из других игроков на этом рынке с тем, чтобы строить самолеты, которые чуть-чуть отстают от европейских, на три-четыре года, но зато на 20—30% дешевле. У них тогда будет свой рынок сбыта. Или наоборот, участвовать в программе строительства аэробусов, которая существует в Европе. Мне кажется, что нужно четко понимать, что в одиночку, с опорой на собственные силы, у нас не получится прорыва. Мы слишком много отстали. Как с производством персональных компьютеров мы отстали навсегда. Как бы мы ни хотели производить персональные компьютеры, мы всегда будем производить компьютеры вчерашнего дня.

Дуров А.Г. — В Алтайском крае, как уже сегодня было сказано, более 2/3 валовой продукции — продукция АПК. Как, на Ваш взгляд, в программе правительства отражено развитие этого комплекса и имеет ли программа перспективу его развития? Аэробусы мы делать не умеем, двигатели еще неконкурентоспособны, а вот пшеницу твердых сортов на Алтае производить можно. Как Вы оцениваете такие перспективы?

Алексашенко С.В. — Это перспективно. Я слышал, что у вас есть крупная фабрика, которая свои спагетти поставляет в Италию. Значит, есть возможности и шансы. Здесь есть две ключевые проблемы. Первая — это, как ни странно, низкий уровень персональной мотивации руководителей хозяйств, как бы они ни назывались: совхозы, колхозы, акционерные общества. Как правило, им ничего не нужно. Главное сохранить, что есть. И их это состояние устраивает. Это самое страшное. Невозможно написать очень хорошую правительственную программу и сказать: «построились и пошли». Так не получается.

Вторая проблема на примере Москвы более очевидна. В Москве существует Департамент продовольственного рынка Москвы, который не позволяет фермерам из Подмосковья продавать свою продукцию в Москве. Традиционно, Подмосковье и ближайшие области могли бы кормить Москву практически всем, кроме тропических фруктов. Был бы нормальный рынок сбыта молока, овощей и т.д. Москва закрывает себя в силу разных административных ограничений. Потому что выгодно работать по импорту, закупать у каких-либо означенных поставщиков, не развивать систему колхозных рынков, не пускать продовольствие в Москву. Эти административные запреты, очевидно, тормозят развитие сельского хозяйства. Есть люди, которые готовы производить, но у них возникают проблемы сбыта.

Дуров А.Г. — Вы констатировали то, что мы достаточно хорошо знаем. Есть ли в программе правительства путь выхода, создания условий для агропромышленного комплекса?

Алексащенко С.В. — Не уверен.

Землюков С.В. — Уважаемый Сергей Владимирович, бюджет Алтайского края сейчас имеет огромную задолженность перед населением. Если сейчас даже матери-одиночки предъявят иски с учетом инфляции, мы будем банкротами. Это связано с дотационностью в целом Алтайского края. Как Вы считаете, мы так и будем с протянутой рукой уже в Новосибирск обращаться? Может быть, и правда есть резон в укрупнении регионов по федеральным округам, или какой-то еще есть путь?

Алексащенко С.В. — Я не отношусь к людям, которые хорошо знают проблемы экономики Алтайского края. Можно, я Вам отвечу абстрактно. Кто хочет сделать, тот ищет способы. Кто не хочет сделать, тот ищет оправдания. У меня ощущение, что региональные власти Алтайского края ищут оправдания и объяснения.

Рыжков В.А. — Я всегда знал, что Сергей Владимирович — один из лучших в России экономистов, экспертов, и сегодня я, как и все мы, убедился в его высочайшей квалификации, глубоком понимании всех процессов, происходящих в нашей экономике. Мне кажется, что именно сегодня, когда страна на переломе, когда новое правительство формулирует новые идеи, многие вопросы остаются без ответа. Конечно, мы не можем ответить на все вопросы, но само обсуждение, мне кажется, было очень полезным и интересным.

Шульце П.

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РОССИИ

Большое сердечное спасибо за очень теплые слова в мой адрес. Я с большим удовольствием приезжаю в ваш регион не только как ученый, не только как руководитель института, призванного оказывать научную поддержку, но и по собственной инициативе. Я не хочу сейчас углубляться в рассмотрение каких-то экономических проблем, экономические вопросы звучали сегодня исчерпывающе, они достаточно обсуждены. Я хотел бы затронуть несколько иную сферу. Мне кажется, что, рассматривая сегодня экономическое развитие России, нужно, прежде всего, задать следующий вопрос. Те реформы, которые осуществлялись, они же осуществлялись не просто так, люди, проводившие эти реформы, ставили перед собой какие-то цели. Поэтому сегодня нужно посмотреть, были ли достигнуты эти цели, и если нет, то почему.